

ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛЬНОГО В РОССИИ: СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ

DOI 10.15826/qr.2016.3.177

УДК 94(470.24)+39(=512.145)+28+27-67+316.35.023.4

ТАТАРЫ-МУСУЛЬМАНЕ И НОВОКРЕЩЕНЫ В НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ: ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МАЛОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ (КОНЕЦ XVI – НАЧАЛО XVII В.)*

Адриан Селин

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия

MUSLIM AND NEWLY-BAPTISED TARTARS IN NOVGOROD: THE FORMATION AND FUNCTIONING OF A MINOR SOCIAL GROUP IN THE LATE 16th AND EARLY 17th CENTURIES**

Adrian Selin

National Research University
Higher School of Economics,
Saint Petersburg, Russia

The article uses the prosopographical method to examine the history of Muslim and newly-baptised Tartars in Novgorod after 1550. 418 biographies were studied. The main sources were documents from the Razryad (service lists) and Pomestny Prikaz (land chancellery): local Novgorod court records also furnished further information. The history of the Novgorod Tartars began in the 1550s, when groups from Astrakhan and Kazan were settled in the eastern part of Novgorod region (Sugletsya and Udomlya districts). As they served the tsar, they received landed estates in Novgorod that were populated with Orthodox peasants. Between 1550

* Статья подготовлена в рамках выполнения проекта ПФИ НИУ ВШЭ 2016 г. «Трансформация режимов управления разнообразием: война, реформы, революции в Российской империи».

** *Citation:* Selin, A. (2016). Muslim and Newly-Baptised Tartars in Novgorod: The Formation and Functioning of a Minor Social Group in the Late 16th and Early 17th Centuries. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 3, p. 93–110. DOI 10.15826/qr.2016.3.177.

Цитирование: Selin A. Muslim and Newly-Baptised Tartars in Novgorod: The Formation and Functioning of a Minor Social Group in the Late 16th and Early 17th Centuries. // Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. № 3. P. 93–110. DOI 10.15826/qr.2016.3.177 / Селин А. Татары-мусульмане и новокрещены в Новгородской земле: формирование и функционирование малой социальной группы (конец XVI – начало XVII в.) // Quaestio Rossica. Т. 4. 2016. № 3. С. 93–110. DOI 10.15826/qr.2016.3.177.

and 1611, different Muslim groups were transferred to Novgorod from Azov, the Crimea, and Bukhara; these groups maintained special identities for a long time. The conversion of Muslims to Orthodoxy is focused upon in this article: the process was slow, but the predominance of Orthodoxy in the region gradually induced local Tartar groups to accept baptism. In 1605, there were 197 newly-baptised Tartars and 48 Muslims. After the Time of Troubles, the differences between the various groups of Tartars disappeared. Most of the Tartars lost their landed estates and started to serve for food and salary; nonetheless, this special group of Novgorodian servicemen continued to exist until the Great Northern War.

Keywords: 16th–17th centuries Russian history; Novgorod Land; Tartars; Newly-Baptized; settling; conversion; prosopography.

Рассматривается история формирования и функционирования малой социальной группы в Новгородской земле второй половины XVI – начала XVII в. На основании ряда источников реконструируется география расселения и ставится проблема конверсии – перехода мусульман в православие. Выделяются этапы социально-политической истории новгородских татар и новокрещенов до начала Смутного времени. Используется просопографический метод: изучено 418 биографий татар и новокрещенов. Основными источниками являются документы Разрядного и Поместного приказов, а также Новгородской приказной избы. История новгородских татар началась в 1550-х гг., в это время группы татар из Астрахани и Казани были помещены в восточной части новгородских земель. Поскольку они находились на царской службе, они получили поместья, населенные православными крестьянами. Затем в течение 1550–1611 гг. различные группы мусульманского населения из Азова, Крыма, Бухары продолжали появляться в Новгороде, обретая самоидентификацию. Исследуется также проблема перехода татар из ислама в православие: устанавливается, что процесс христианизации был медленным, но под воздействием православного окружения непрерывным. В 1605 г. насчитывалось уже 197 татар-новокрещенов и 48 мусульман. После Смутного времени различия между группами татар исчезли, а районы их компактного проживания фрагментировались. Большинство татар покинули поместья и стали служить за «корм» и жалованье, хотя вплоть до Великой Северной войны сохранялась отдельная группа новгородских татар и новокрещенов.

Ключевые слова: история России XVI—XVII вв.; Новгородская земля; татары; новокрещены; расселение; конверсия; просопография.

Социальный состав Московской Руси XVI–XVII вв. очень сложен для описания. Московское великое княжество, а потом царство складывалось из разных не похожих друг на друга частей со своим прошлым, своей системой групп и категорий населения. Московский деловой язык хоть и стремился описать и систематизировать все эти группы, но подчас достаточно сложно определить точное содержание многих терминов, понятных для большинства дьяков и подьячих того времени. Кроме того, социальные катаклизмы, происходившие в Московском великом

княжестве (позднее – царстве) на рубеже XVI в., важным содержанием которых было сведение одних групп и замещение их другими, еще больше усложняли систему складывавшихся чинов¹. Возможным путем изучения социальной истории Московского великого княжества/царства является исследование локальных, сравнительно небольших социальных групп. Целью такого исследования может быть ответ на вопросы 1) о характере и истории формирования группы; 2) о месте в системе социальных/служебных взаимоотношений; 3) об изменениях группы и ее исчезновении – по реперным точкам. Важнейшей из таковых точек для истории XVI–XVII вв. следует считать Смутное время, после которого последовали несомненное упрощение социальной картины и некоторая унификация чинов Московского царства. Истории новгородских татар и новокрещенов до Смуты посвящена данная статья.

Испомещение татар в Новгородской земле

Выбранная группа – «татары» (как в терминологии приказного делопроизводства именовали всех выходцев из разных мусульманских областей), переселявшиеся властью из разных мест на северо-запад в Новгородскую землю начиная с середины XVI в. и частично принявшие там православие. Перешедшие в православие татары – служилые люди продолжали записываться в документах разрядного делопроизводства вместе с теми своими сослуживцами, кто сохранили мусульманское вероисповедание, в одной категории «татары и новокрещены». Новгородская история конца XV – XVI в. знает неоднократные перемещения элитных групп, смену одной социальной страты другой. Все переселяемые в Новгород и Новгородскую землю группы были в той или иной мере чужеродны по отношению к этой новой для них территории; следовательно, мероприятия московского правительства могут быть описаны в терминах колонизации. Но именно группа татар и новокрещенов представляется наиболее экзогенной по отношению к социальному ландшафту Северо-Запада России XVI–XVII вв.²

¹ Употребляю здесь и далее термин «чин» для обозначения групп московского общества, которые выделялись в источниках; понимая всю условность и подчас искусственность данного термина, не вижу лучшего.

² В современной публицистике испомещение татар в Новгородской земле часто трактуется как злая воля Ивана Грозного, заселившего опричниками-татарами исконно-посконные новгородские земли. Характер обращения авторов таких текстов с источниками не выдерживает никакой критики. Апелляция адептов данной идеи к историческому материалу, как правило, базируется на материалах Владимира Куковенко «Иван Грозный и опричина», размещенном на информационно-аналитическом портале «Евразия» 25 февраля 2005 г. [Куковенко] (на сайте velikoross.ru, к примеру, помещен очерк, именуемый более прицельно: «Иван Грозный и инородная опричина», где также приведен перечень новгородских татар 1560–1570-х гг.). Список таких татар-опричников, «испомещенных» Иваном Грозным в Бежецкой и Водской пятинах, дается со ссылкой на [Самоковасов]. Автором данной книги проделана работа по поиску татарских имен в поместных актах второй половины XVI в., но в составленном списке есть очевидные ошибки: в нем, например, упомянуты новгородские дворяне, носившие татарские имена.

Вместе с тем, исследование новгородских татар и новокрещенов, на мой взгляд, наиболее продуктивно рассматривать в рамках функционирования малой локальной группы в новых смысловых контекстах: географическом, социальном, религиозном, этническом.

Политическая составляющая, на которой делает акцент научно-популярная критика, по имеющимся источникам не прослеживается; отсутствию явных фактов конфронтации между представителями разных конфессий в Новгородской земле XVI–XVII вв. посвящена некоторая историография [Орленко; Селин, 2008]. Рассмотрение этой группы предлагается на двух хронологических срезах, обусловленных степенью сохранности источников:

1. Новгородские татары и новокрещены в конце Ливонской войны (по материалам поместно-вотчинных документов 1570–1580-х гг.). Источники фиксируют, как около 1571–1572 гг. значительные группы татар оказываются в Новгородской земле, занимая целые большие территории, прежде всего в Бежецкой пятине, на востоке региона. Очередной этап переселения в Новгородскую землю татарских помещиков произошел после поражения в Ливонии в 1581–1583 гг. Так, в августе 1584 г. в Климентовском Тесовском погосте Водской пятины получили поместья «ругодивские новокрещены» – выведенные из Ливонии помещики-татары [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 16936. Л. 17–18 об.]

2. Новгородские татары и новокрещены накануне Смуты (1605–1606). Как представляется, к началу XVII в. новгородские татары обрели свою особую идентичность. Полагаю, что это связано с особенностями учета данной группы служилых людей. Летом 1602 г., в канун приезда в Новгород датского королевича Ханса, новокрещены были собраны в городе для рассылочной службы [СПБИН. Кол. 183. Карт. 1. Д. 18]. Верстание татар и новокрещенов всех пятин новыми окладами в 1606 г. было осуществлено в особой десятина [РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 122].

Если первый этап характеризуется отрывочной информацией о существовании социальной группы, то на втором источники позволяют охватить группу практически целиком.

Какие возможности существуют для того, чтобы исследовать эту группу на избранных хронологических срезах? Прежде всего это изучение социальной динамики (конверсия, отношения с другими группами) в сочетании с исследованием географии расселения новгородских татар и новокрещенов. Имеющийся материал позволяет описать две поколения татар и новокрещенов, используя весь комплекс источников по их служебной биографии. К настоящему моменту подготовлена открытая и пополняемая база данных, охватывающая 418 персоналий татар, известных по источникам 1571–1606 гг. [Центр исторических исследований]. Более ранние сведения о новгородских татарах крайне отрывочны. Источники же после 1606 г. следует, видимо, рассматривать в контексте более тесной интеграции этой

группы в состав новгородского служилого города³, несмотря на то, что как отдельная категория учета новгородские татары и новокрещены сохраняются вплоть до начала Петровских реформ.

Появление первых татар в Новгородской земле было связано с переселением из Астраханского и Казанского царства после их завоевания. По наблюдениям М. В. Моисеева, в середине XVI столетия Новгород был местом ссылки татарской аристократии, первоначально казанской [Моисеев, 2013; 2016]. Известно об участии новгородских новокрещенов в полоцком походе 1563 г. (30 чел.). Однако до появления сохранной поместной документации эта корпорация выглядит безымянной, нельзя с уверенностью говорить и о месте испомещения ее членов.

Постоянный приток на северо-запад новых служилых людей и наделение их поместьями усложняли эту группу, к ней присоединялись все новые и новые страты. Известен факт испомещения в Новгородской земле в конце XVI в. двух арабов. Так, в 1598–1599 гг. упоминается новокрещен Микулка Арап [СПБИАИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 157–157об.], в десятне 1605–1606 г. – новокрещен «арап» Матфей Гибарев [РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 122. Л. 21]. В конце 1590-х гг. из Посольского приказа в Новгород была прислана часть двора бывшего крымского царевича Мурат-Гирея, и в Новгороде появились крымские татары. Некоторые новокрещены начала XVII в. были по происхождению представителями черкесских народов: в 1598–1599 г. в Новгороде было принято на службу три новых новокрещена-«черкашенина»⁴. Еще один «черкашенин» «Кабардинские земли» оказался в Новгороде в 1601–1602 гг. Кроме того, были там приближенные ко дворам сибирских царевичей, малочисленные касимовские татары и «бухарене». К этой же группе новгородские власти, распределявшие поместья среди прибывавших новых претендентов, относили даже некоторых немусульманских деятелей. Таковым был, к примеру, Михаил Нармантов, «полоняник Грузинской земли», получивший 25 сентября 1588 г. поместье во Введенском Дудоровском погосте [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 16942. Л. 342–347]. В десятне 1605–1606 г. под категорией «татары» описаны явно не только мусульмане. Так, «полоняник Микулко Федоров

³ Данные о службе новгородских татар и новокрещенов на стороне союзного шведам новгородского правительства в 1611–1614 гг. и непосредственно шведской оккупационной администрации в 1614–1617 гг. сохранились достаточно полно; связь новгородских татар и новокрещенов с поместьями в Удомельской и Суглицкой волостях была нарушена, и они перешли на положение кормовых (то есть получавших хлебное и денежное жалованье в Новгороде). В то же время после военных событий лета 1614 г., когда угроза завоевания Новгорода войсками князя Д. Т. Трубецкого перестала быть реальной, произошла существенная трансформация в составе служилых людей Новгорода. В это время новгородские татары и новокрещены получили поместья на тех территориях, которые контролировала шведская администрация.

⁴ Двое из них, Якуш Кумышев и Гаврило Охкобяков, прибыв в Новгород, по всей вероятности, вместе тут же заняли денег у других новокрещенов (Михаила Пендиева с товарищами) и нескольких новгородских посадских людей; только через три года они смогли помириться [СПБИАИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 337 об.–338].

сын Волохов» происходил, видимо, из молдаван или валахов [РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 122. Л. 15]. Часто происхождение новгородских татар вовсе не указывается, иногда его довольно сложно определить. Так, неясно, кем был «нововыезжий новокрещен 108-го года» «нагайской полоняник Воложские земли Гришка, что был Еболда Ляпушкин» [СПБИАИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 306–308].

Источниковой базой исследования служат документы, связанные с поместным делопроизводством (обеспечением представителей группы компенсаций за службу) и разрядным – собственно, ведающим организацией группы в служилую категорию.

Наиболее ранняя группа источников – документы текущего делопроизводства Поместного приказа 1570-х гг., связанные с наделением поместьями татар и новокрещеных, преимущественно казанских, в Суглицкой и Удомельской волостях Бежецкой пятины. Это была как минимум вторая волна массового испомещения татар и новокрещеных на востоке Новгородской земли. Большая часть новых поместий в Удомельской волости ранее принадлежала татарам астраханским. В сборниках дозорных, отдельных и обыскных книг этого времени встречаются также указания на поместные дачи в других районах Новгородчины, например в Шелонской пятине, как относящиеся к 1572–1573 гг., так и свидетельствующие о более ранних явлениях. Среди ранних испомещений татар на западе Новгородской земли отмечу поместья князей Сеитовых-Городецких и Костровых в Шелонской пятине. К этой же группе источников относятся писцовые книги 1582–1584 гг., также содержащие сведения о татарах и новокрещенах.

Выделю здесь два основных источника: это Отдельные книги казанским новокрещенам в Удомельской волости и Отдельные книги казанским татарам в Суглицкой волости. Оба памятника были составлены в 1571–1572 гг., входят в сборник Отдельных книг Бежецкой пятины [РГАДА. Ф. 1209. Д. 16925] и были конспективно опубликованы Д. Я. Самоквасовым [Самоквасов, т. 2, с. 190–200, 200–203]. Отдельные книги являются ценным материалом для реконструкции окладов казанцев, хотя в них фиксируется обежный оклад, но если приравнять одну обжу к 10 четвертям⁵, можно получить нормализованную картину, вполне сравнимую с системой поместных окладов новгородцев, в том числе новгородских новокрещеных и татар, известную по источникам рубежа XVI–XVII вв.

Для 1580-х гг. наиболее важное значение имеют писцовые книги 1581–1582 и 1582–1583 гг., содержащие подробное описание Удомельской и Суглицкой волостей [РГАДА. Ф. 1209. Д. 962; Д. 964]. Вся Суглицкая волость, описанная в этом источнике, находилась в поместьях у казанских некрещеных татар (за исключением поместья Филиппа Змеева, которому ранее была отделена часть поместья

⁵ В одной из отдельных книг суглицких татар на такое соотношение «обежного» и «четвертного» поместного уклада указывается прямо [Самоквасов, т. 2, с. 200–201].

казанского татарина Алдиша Алдеярова). Татары Суглицкой волости были разделены на пять статей по окладам; таким образом, писцовая книга содержит материал о верстании татар, не сохранившийся в других источниках⁶.

Пораздо сложнее структура описания Удомельской волости 1582–1583 гг. В ней особыми категориями владельцев поместий являются «старые новокрещены» и «новокрещены и казаки немецких городов». Если первые – это те, кто получил поместья в Удомле в 1571–1572 гг., то вторые – это «юрьевские новокрещены» и «говейские казаки»⁷. «Новых» новокрещенов отдельщики Михаил Шишелов и подьячий Пётр Шелепин испомещали в Удомле преимущественно за счет бывших поместий астраханских мурз и татар, не розданных в поместья казанским татарам в 1571–1572 г. [РГАДА. Ф. 1209. Д. 964. Л. 460 и далее].

Существенно много информации для истории новгородских татар и новокрещенов дает переписная книга дел Новгородского судного приказа 1585–1605 гг. [СПБИАИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12]. В книге перечислены лишь заголовки вершёных и невершёных дел. Однако их анализ позволяет судить как о присутствии татар и новокрещенов в новгородском обществе этой эпохи, так и о повседневной жизни этой группы служилых людей, их горизонтальных связях с другими слоями новгородского общества – конфликтах татар и новокрещенов друг с другом, новгородскими посадскими и служилыми людьми. Есть указания на особенности организации новгородских татар и новокрещенов, на динамику увеличения этой социальной группы.

Вторая по хронологии группа источников – документы разрядного делопроизводства начала XVII в. К ним относятся документы Новгородского разряда лета-осени 1602 г., связанные со

⁶ К сожалению, информация о размерах окладов практически утрачена: верхнее поле книги обрезано при переплете; сохранились заголовки только второй и пятой статей и указание на то, что пятая статья соответствовала 60 четвертям поместного оклада. В таком состоянии писцовая книга Бежецкой пятины была уже к середине XIX в., к моменту подготовки обзора К. А. Неволина [Неволин, прил., с. 314].

⁷ По всей вероятности, в писцовой книге 1583 г., равно как и в других документах, к примеру, в десятне 1605–1606 гг., речь шла о потомках воинов гарнизона этой крепости (Ацель, Adsel, ныне Валка, Латвийская Республика), переданного Речи Посполитой после Ям-Запольского перемирия 1582 г. [Смирнов, с. 471]. Говейские казаки упоминаются в разрядах, сперва при описании похода под Ревель в 1570 г., когда из Пскова туда были посланы головы казачьи с себежскими, красногородскими и говейскими жилецкими казаками (РД 7 : 41). При описании взятия Куконоса (Кукенейс, Кокенгаузен, Кокнесе) в августе 1577 г. 196 говейских казаков (то есть, видимо, прибранных в Говье служилых людей, частично и из татар?) были назначены в гарнизон вновь захваченного города [Разрядная книга 1475–1605 гг., т. 2, ч. 3, с. 542]. После оставления Ливонии в Бежецкой пятине было расселено, между прочим, 9 юрьевских новокрещенов и 55 говейских казаков [Постников]. В десятне новокрещенов 1605–1606 гг. упомянуто 12 говейских казаков. Все они были назначены в рассылочную службу (у них зафиксирован и минимальный в десятне оклад – 40 четвертей у Сергея Уланова сына Гуляева [РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 122. Л. 35]). Однако нельзя считать, что говейские казаки набирались только из татарской среды. Например, испомещенный в Удомле к 1582 г. говейский казак Илья Иванов сын Волочанинов (полагаю, верно – Волошанинов. – А. С.) вряд ли как-то связан с татарской группой [РГАДА. Ф. 1209. Д. 964. Л. 568].

встречей в Ивангороде и Новгороде датского принца Ханса и десяти новокрещенов и татар 1605–1606 гг.

Список естей и нетей новгородских служилых людей, приехавших в Новгород для встречи принца Ханса, является самым ранним и полным из сохранившихся списков, в том числе и татар и новокрещенов [Селин, 2014]. Этот документ был составлен в Новгороде на основе какой-то документации наподобие десятен. Особый раздел естного списка называется «новгородские татары и новокрещены». После заголовка следует указание на Бежецкую пятину, далее перечисляются собственно татары, ниже – новокрещены. Следующий раздел списка – «нововыезжие новокрещены и татарове крымские и нагайские и азовские и турецкие и кизилбашские и Аринские земли всех пятин». Далее – раздел списка: «106-го нововыезжие крымские и нагайские и азовские татаровя», потом – «такие же новокрещены», далее – «новокрещены, которые взяты у князя у Петра у Шаховского», потом, соответственно, 107-го, 108-го, 109-го и 110-го годов. Таким образом, довольно большой приток татарского населения в Новгород был в последние три года XVI в. Далее в списке особенно отмечены татарские толмачи. Их двое, отец и сын Богдан и Марликей Тенишевы. В списке 1602 г. специально выделены новокрещены царевича Мурат-Гирея и иные крымские и нагайские, присланные в Новгород из Посольского приказа. Завершает этот раздел перечень из девяти имен новокрещенов, крестившихся «ново», то есть, видимо, незадолго до составления некоего разрядного документа, на основе которого был создан данный список.

Кроме списка, важное значение для истории новгородских татар и новокрещенов имеют другие документы из коллекции «Новгородские акты», связанные с приездом принца Ханса и указывающие на конкретные службы новгородских татар и новокрещенов [СПБИА. Кол. 183; обзор см.: Селин, 2009]).

Десятня 7114 (1605–1606) относится к группе новгородских десятен так называемого «самозванческого верстанья». Кроме нее сохранились десятни дворян и детей боярских Бежецкой, Деревской (в двух списках) и Обонежской пятин; десятня Водской пятин сохранилась в конспекте (опубликован Н. В. Мятлевым); десятни Шелонской пятин не сохранилось. Новгородские татары и новокрещены верстались отдельно от других категорий служилых людей, не по пятинам, воеводами князем М. П. Катыревым-Ростовским и И. Н. Салтыковым и дьяками Василием Оладыным и Ефимом Телепневым. В подлинной десятне сохранилась помета о привозе десятни в Москву в разряд в 24 ноября 1607 г. новгородским подьячим Смирным Васильевым [РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 122]. Десятня новгородских новокрещенов и татар составлена по формуляру, сходному с документом, опубликованным Мятлевым под названием «Десятня Водской пятин». После преамбулы (пересказа наказа из Разрядного приказа) и перечня окладчиков (15 новокрещенов и шесть «татар»-мусульман) следует

перечень служилых людей этих категорий по статьям поместного жалования, сначала новокрещенов, затем татар. Указаний на денежное жалование нет; указаний на принадлежность к той или иной пятине также нет. Содержится (как и в «Десятне Водской пятины») указание на поместный оклад по прежнему верстанию (десятня 7112 г. и верстальный список, вероятно, новиков 7113 г.). Десятня 7112 г. (не сохранившаяся), на которую в документе 1605–1606 гг. приводятся многочисленные ссылки, полностью совпадает по размеру поместных окладов с теми данными, которые приводятся в списке 1602 г. (только часть новокрещенов Бежецкой пятины, которая имела оклады в 150 четвертей в 1602 г. к 1603–1604 г., получила прибавку в 50 четвертей) [Селин, 2014, с. 306–308]. В одном случае отмечено отсутствие поместного оклада в 7112 г. у бывшего бухарца Трофима Маметева, владевшего поместьем «в Торшку» (видимо, в Новоторжском уезде) [РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 122. Л. 13 об.]. Десятня в ряде случаев содержит указания на происхождение татар и новокрещенов («Бухарской земли», «крымский татарин» и т. п.), для некоторых новокрещенов указывается прежнее «татарское» имя. К десятне новгородских новокрещенов и татар можно отнести те же особенности, которые исследователи отмечали и в других «самозванческих» десятнях: налицо увеличение размеров поместного оклада и их выравнивание до кратных 50 четвертям [Кротов; Седов; Козляков; Воробьев]. В качестве приправочного материала для верстания татар Бежецкой пятины были также присланы не только десятня 7112 г., но и список верстания новиков в 1603–1604 гг. Примечательно то, как в источнике упоминаются лица, принадлежавшие к титулованным татарским фамилиям. «Княжеский» титул сохранялся только у одного из детей умершего князя, остальные перечисляются без титулов, но с указанием на княжеский титул отца.

Среди новиков десятни достаточно много детей тех татар и новокрещенов, которые получили поместья в Удомельской и Суглицкой волостях в 1570–1580-х гг. Это дети удомельцев Осипа Булгакова, Федора Карамышева, Макара Едигерева. Если некоторые новокрещены упоминаются с прежним «мусульманским» именем, носимым до конверсии, то другая группа новокрещенов имеет отчества. Предположу, что это второе поколение новокрещенов.

В десятне упомянуто 197 служащих новокрещенов (из них 27 новиков), кроме того, 14 недорослей и один больной, жившие в поместьях своих братьев. Дважды в десятне был записан Гаврило Осипов сын Булгаков, первый раз как новик, поверстаный в службу с отцовского поместья [РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 122. Л. 30 об.], а второй раз как говейской казак, поверстаный в рассылочную службу [Там же. Л. 34].

Все татары, упомянутые в десятне 1605–1606 гг., названы татарами Бежецкой пятины. Это явно указывает на их сравнительно компактное расселение (хотя десятня и не дает более точных локализаций).

Среди татар также встречаются служилые люди, явно относящиеся ко второму поколению живущих в Новгородской земле. Татар (то есть по букве источника мусульман, но на деле, видимо, служивших по своеобразному «татарскому» списку) в десятне перечислено 48 человек, из них четверо были новиками.

География расселения

Татары и новокрещены были расселены во всех пятинах Новгородской земли. Обращают на себя внимание два района компактного расселения татар и новокрещенов в Бежецкой пятине. Это Суглицкая волость и Удомля (группа погостов и волостей). Еще Г. В. Абрамович отмечал, что в середине XVI в. Удомля и Суглицкая волость были теми территориями, куда испоместили казанских и астраханских татар [Абрамович, с. 191]. Эти возникшие в Новгородской земле татарские анклавов были не столь заметны, как, к примеру, Романов и Касимов, однако в 1570–1610-х гг. оказались заселены преимущественно татарским населением. В других пятинах территорий компактного расселения татар и новокрещенов не наблюдается.

Удомельская волость расположена на территории нынешней Тверской области, в междуречье Мсты и Мологи. Она была конфискована у новгородского архиепископа в числе первых (в 1478 г.) [Самоквасов, т. 1, с. 80], потом была расширена за счет соседних боярщин. Однако на рубеже XV–XVI вв. в поместную раздачу пошли, по всей вероятности, территории («боярщины») бывших новгородских частных землевладельцев [Самоквасов, т. 1, с. 200; Писцовые книги Новгородской земли, т. 1, с. 145], а основная (бывшая владычная) волость, по всей вероятности, оставалась в Дворцовом ведомстве вплоть до середины XVI в. Удомля – густонаселенный район с высокой плотностью деревень; к середине XVI в. здесь было выстроено несколько сельских храмов [Приходная книга Новгородского дома святой Софии, с. 105, 113]. Волость, как уже было сказано, одной из первых попала в поместную раздачу татарам.

Отдельные книги 1571–1572 гг. подробно фиксируют процесс масштабного мероприятия – раздачи поместий астраханских новокрещенов (выведенных из Новгородчины) казанским. Кроме Удомельской волости, к этим отдельным книгам примыкают подобные документы, произведенные в рамках той же кампании отдельщиком подъячим Василием Коломенским другим казанцам-новокрещенам в Ворожебском, Поддубском, Раевском и других соседних погостах Бежецкой пятины. Отличие этих отделов в том, что они осуществлялись за счет выморочных земель простых помещиков-новгородцев нетатарского происхождения. Впрочем, тогда же, в 1571–1572 гг., часть бывших поместий астраханских татар были розданы новгородским служилым людям (Федору и Алексею

Мазовским и другим новгородцам в Удомельской волости). Таким образом, в ходе этих раздач район испомещения татар и новокрещенов в Бежецкой пятине несколько изменился.

Среди поместий астраханских новокрещенов наиболее значимым было поместье князя Дмитрия Улдесева. Он был испомещен в сельце Мишнево на озере Писве вместе со своим небольшим двором – двое его людей, Куземка и Тегеш, также имели в поместье по одной обже. Некоторая часть астраханских новокрещенов владела поместьями в других соседних погостах, пошедших в раздачу в 1571–1572 гг. другим новгородским помещикам. Часть казанских новокрещенов полностью получала свой оклад поместного жалования за счет бывших астраханских помещиков, другая часть уже имела поместные владения в других соседних погостах Бежецкой пятины – Тельбовичском, Никольском в Раю, Михайловском в Михайлове Конце. Оклады казанских новокрещенов колебались от 10 до 23 обож (то есть четвертной оклад составлял от 100 до 230 четвертей).

Позже, в 1582–1583 гг., пустые обжи в Удомельской волости «государев отдельщик» Михаил Шушелов и подьячий Пётр Шелепин раздали в поместья юрьевским новокрещенам и говейским казакам [РГАДА. Ф. 1209. Д. 16935. Л. 58–60 об.]. Это следует рассматривать в контексте решения проблемы наделения поместьями эвакуированных из бывшей Русской Ливонии служилых людей [Аракчеев].

Суглицкая волость располагалась на сильном удалении от основных магистралей XVI–XVII вв. Ныне это район деревни Журавлево и поселка Ефимовский Бокситогорского района Ленинградской области. В источнике, восходящем к рубежу XV–XVI вв., волость упоминается в качестве оброчной (ранее, в годы новгородской независимости, принадлежавшей Олферу Ивановичу Офонову) [Писцовые книги Новгородской земли, т. 1, с. 222]. В Суглицкой волости казанским татарам в 1571–1572 гг. раздавались поместья также казанских татар и татарских вдов, скончавшихся к этому времени. Обычным размером поместий там было 10 обож; по всей вероятности, в волости испомещались рядовые служилые люди. В отдельных книгах Суглицкой волости есть указание на размер прожиточного сиротского поместья – Татьяне, дочери Фёдора Розгилдеева, было выделено три обжи, «оклад ее сполна». То, что все получившие в 1571–1572 гг. поместья в Суглицкой волости новые помещики были татарами-мусульманами, вроде бы также указывает на недавнее начало ими службы.

Первое сохранившееся описание волости относится к 1582–1583 гг. (ср. выше). Именно оно наиболее точно фиксирует сеть татарских поместий. Писцовая книга фиксирует существование на погостском центре «двора волостного суглицких татар и крестьян на приезд» [РГАДА. Ф. 1209. Д. 962. Л. 704–704 об.]. Однако к 1618 г. в Суглицкой волости не осталось ни одного татарина. Все немногие «живущие» обжи в бывших татарских поместьях были переданы помещикам

Нарбековым, Кулибакиным, Ушаковым [РГАДА. Ф. 1209. Д. 16974. Л. 1–4 об.]. Вопрос об этнографическом исследовании этого пространства может быть поставлен. Но, видимо, татарского наследия здесь сохранилось немного. Впрочем, в 1823 г. одним из здешних помещиков был генерал-майор Илья Мамаев, несомненно, потомок татарского помещика 1582 г. Камая Мамаева.

Конверсия новгородских татар

В середине 1550-х гг. в Новгороде крестились первые, видимо, казанские татары. 11 февраля 1556 г. они были разсланы по новгородским пригородным монастырям, «чтоб они без нашего ведома прочь не отлучались никуда» [Дополнения к Актам историческим, т. 1, с. 148–149, № 97].

Конверсия татар, прибывавших на Северо-Запад России, происходила, по всей вероятности, достаточно быстро. Большинство представителей группы татар и новокрещеных по известным источникам были именно новокрещенцами, хотя какое-то число мусульман продолжало сохраняться, видимо, до конца XVII в. Не всегда, как было показано, выше, можно точно определить, произошла ли конверсия. Так, известно, что в Новгородском судебном приказе в 1598–1599 гг. была осуществлена «записка новокрещена Микулки Арапа, что он сек новокрещена ж Спиридона Сеитова» [СПБИАИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. Л. 157–157 об.]. В то же время Спиридон Сеитов упомянут среди новокрещеных, «крестившихся ново» в 1602 г. [Селин, 2014, с. 306–308].

Предполагаю, что конверсия шла все время, хотя, вероятно, с разной интенсивностью. Можно утверждать, например, что между 1582 и 1602–1605 гг. значительная часть татар конвертировалась в православие, однако прямые указания на это часто отсутствуют, в связи с чем в составленной базе данных наверняка есть дублирование. Скорее всего, одним лицом является Бекбулат (1582) и Данило (1605) Уразлеев. То же касается братьев Тобыча и Девлеткилдея Курманалеевых – в документах 1602–1605 гг. упоминаются дети Василия и Семена Курманалеевых, все с христианскими именами, но утверждать наверняка, что Тобыч и Девлеткилдей – это Василий и Семен, серьезных оснований пока нет.

Примечательна жалованная грамота новгородского митрополита Варлаама, данная удомельским новокрещенцам 26 июня 1592 г. Эти новокрещены, прихожане церкви Дмитрия Солунского на озере Островня Григорий Сюстеев с товарищами, просили митрополита о предоставлении льгот их приходской церкви, которая «стоит пуста без пения больше деи полутретьятцать лет...» [СПБИАИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 63. Л. 160 об. – 161]. В 1593–1594 гг. упоминается новокрещен, постриженник новгородского пригородного Горнецкого монастыря

старец Антоний⁸. К 1606 г. среди новгородских служилых татар было 197 новокрещенов и 48 татар-мусульман.

Обращает на себя внимание упомянутый в списке 1602 г. новокрещен с явно мусульманским именем Мавкел Янчюрин [РА, НОА. Ser. 2 : 306]. В десятне 1605–1506 гг. два известных Янчюрина – не «татары», а новокрещены. Ишей Янгурчеев записан в списке 1602 г. среди новокрещенов; десятня 1605–1606 гг. называет его «новокрещен Андей Янгурчеев, что был татарин Ишей». Нококращеном с окладом в 200 четвертей в списке 1602 г. назван Янсуба Еналеев [Ibid. : 306–308]. Видимо, и через год, в 1603–1604 гг., он, конвертировавшись в православие, оставался известен под своим прежним именем, когда упоминается иск к «Удомельские волости новокрещену Янсубе Еналееву» [СПБИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 373 об. – 374].

Примечательны «христианские» имена татар в десятне 1605–1606 гг. Если имя окладчика Юрия Тенишева или татарина Ивана Мавкелева можно объяснить ложными этимологиями каких-то татарских имен, то как интерпретировать имена татар Ивана и Ильи Семеновых, детей Тенишева [РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 122. Л. 38 об., 40], сказать сложно. Татарин Клиш Клишкинеев назвал троих своих сыновей Иваном, Михаилом и Степаном; при этом все они были записаны среди татар, а не среди новокрещенов [Там же. Л. 44 об.].

* * *

В конце XVI в. новгородские татары (и, видимо, новокрещены) были организованы в особый отряд, скорее всего, наподобие приказа, с головой, назначавшимся из состава членов государева двора. Головой татар служил Иван Иванович Шеремет Отрепьев, из угличских детей боярских (выборный?) [СПБИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 262]. Книга указывает и на движение воинских контингентов в связи с войной 1590–1593 гг. В Новгород в это время прибыл отряд (приказ) касимовских татар с головой Федором Акинфовым [Там же. Л. 272 об.]. Замечу, что в обоих случаях головы татарских отрядов – из «нетатарских» служилых людей. Прибывали в Новгород и новокрещены из других городов, таких как Вязьма, новокрещены из которой в 1591–1592 гг. потравили (вероятно, лошадьми) пашни дворцового пригородного села Королева [Там же. Л. 282 об.]. Татарин Еналей, испомещенный в Боровске, конфликтовал с ямскими охотниками Алексеевской слободы из-за лошадей [Там же. Л. 283]. Годом позже в Новгороде упоминается темниковский татарин Ахмат-мурза Бахтеев [Там же. Л. 203 об.]. В конце XVI в. в городе появились и сибирские татарские царевицы Сейтяк

⁸ Список с государевы грамоты и сыск по челобитью казанского новокрещена постриженника Горнецкого монастыря старца Антония, а подлинная государева грамота за приписью дьяка Ондreja Щелкалова и сыск посланы ко государю к Москве, потому что государева грамота лживлена [СПБИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 18 об.].

и Миткуль Атулунич со своими дворами [СПБИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 4 об., 282] и касимовский царевич Араслан-Алей Кайбулич [Там же. Л. 287]. Сибирский царевич князь Сейтяк продолжал находиться в городе и после окончания войны со шведами в 1594–1595 гг. [Там же. Л. 106]. В Новгороде в начале XVII в. оказалась и часть двора царевича Мурат-Гирея, скончавшегося в Астрахани в 1591 г. [Виноградов] (в 1603–1604 гг. упоминается его мурза Мамай Семендерев [Там же. Л. 381 об.]). В десятне 1605–1606 гг. упомянут также принадлежавший к этому двору перешедший в православие «Кондратей, что был царевичевской Мурат-Киреевской тотарин Ефремко, старой ево помесной оклад 350 чети, поверстан на 300 чети, а убавлено у него за лень 50 чети». В Новгороде начала XVII в. находились не только татары и новокрещены – потомки испомещенных при Иване IV и Борисе Годунове казанцев и астраханцев, но и оказавшиеся здесь служилые люди других городов. Кроме того, какая-то, видимо, значительная группа татар приехала в Новгород с царевичем Алтанеем Кучумовым. Около 1601 г. в Новгороде оказался шурин сибирского царевича Маметкула Одногул-мурза Маметев [Там же. Л. 306–308]⁹; видимо, с ним приехал и юргенец Ивашко Ярымов, записанный среди новокрещенов, «крестившихся ново» в 1602 г. [Там же].

Политические события начала XVII в. привели к существенным изменениям в составе новгородского служилого города. Разумеется, они отразились и на новгородских татарах и новокрещенах. В ходе политических событий 1609–1611 гг. в городе появились новые группы татар и новокрещенов (из Торжка и Твери); долгое время в Новгороде проживал сибирский царевич Алтаней Кучумов со своим двором [Беляков, 2005]. Именно к Смутному времени относятся данные о консолидации исследуемой социальной группы. Смута в значительной мере изменила облик корпорации татар и новокрещенов. Численность ее уменьшилась в несколько раз. По всей вероятности, в ходе политических событий 1608–1617 гг. произошла и консолидация группы; ее деление по происхождению на казанцев, «черкашен» и иных, значимое еще в 1605–1606 гг., стерлось. Этот период существования новгородских татар и новокрещенов требует дальнейшего исследования.

Формирование особой категории «татар и новокрещенов» внутри новгородского служилого города в середине XVI в. вполне укладывалось в общую тенденцию к интеграции, смешению разных категорий военных страт Московского государства. Однако нет сомнения в том, что реализовывавшие эту интеграцию Разрядное и Поместное ведомства не ставили перед собой подобной задачи. Их цели были значительно более простыми – усиление военной силы на Северо-Западе путем привлечения новых служебных групп и обеспечение их

⁹ По не до конца выясненной причине назван «юргенским», то есть ургенчским царевичем. Этот вопрос требует дальнейшего исследования.

службы поместным жалованьем. Однако в специфических условиях близкой к театру военных действий Новгородской земли, лежавшей на серьезном удалении от вновь присоединенного Поволжья, «новгородские татары и новокрещены», с одной стороны, сохраняли внутреннюю служебную организацию, независимую от других групп новгородского служилого города, а с другой, были готовы инкорпорировать другие, не связанные с бывшими Казанским и Астраханским ханствами, но так же чуждые для Новгорода группы служилых людей, не всегда мусульманского происхождения (крымцев, бухарцев, но и «волошан» и даже грузин). Этому способствовал, впрочем, и принцип учета разных групп служилого сословия в Разрядном ведомстве, выделявший «татар и новокрещенов» вплоть до конца XVII в. Постепенный переход большинства «татар» Северо-Запада России в православие не вел к немедленной интеграции их с другими новгородскими служилыми людьми.

Список литературы

Абрамович Г. В. Дворянское войско в царствование Ивана IV // Россия на путях централизации М. : Наука, 1982. С. 186–294.

Акты Московского государства. М. : Изд. тип. Императ. акад. наук, 1890. Т. 1. 766 с.

Аракчеев В. А. Утраченный указ 1582 г. об испомещении «детей боярских немецких городов» и его реализация // Феодалная Россия. Новые исследования. СПб., 1993. С. 38–42.

Беляков А. В. Участие сибирского царевича Алтаная ибн Кучума в событиях Смутного времени и его судьба // Мининские чтения : материалы науч. конф. Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского (29–30 окт. 2004 г.). Н. Новгород, 2005. С. 21–35.

Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков : Просопографическое исследование. Рязань : Мир, 2011. 512 с.

Виноградов А. В. Русско-крымские отношения в 1570–1590-х гг. в контексте династического кризиса Гиреев // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2. Казань : ИХЛАС, 2010. С. 274–299.

Воробьев В. М. Лжедмитрий I и судьбы службы «по отечеству» поместной системы // Прошлое Новгорода и Новгородской земли : материалы науч. конф., 18–20 нояб. 2003 г. Великий Новгород, 2003. С. 47–49.

Дополнения къ актамъ историческимъ, собранныя и изданныя археографическою комиссіею (ДАИ). СПб. : Изд. тип. Имп. канцелярии, 1846. Т. 1. 400 с.

Козляков В. Н. Служильный «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения) : автореф. дис. ... докт. историч. наук. СПб., 1999. 50 с.

Кротов М. Г. Десятни XVI – начала XVII в. как исторический источник // Источниковедение и историография истории СССР : Дооктябрьский период. М. : Изд-во Ин-та истории СССР АН, 1982. С. 56–72. URL: http://www.krotov.org/yakov/desyatni/ind_des.html (дата обращения: 27.04.2016).

Куковенко В. К. Иван Грозный и опричнина // Иоанн Грозный : антология. М. : ЭКСМО, 2004. С. 476–498.

Курбатов О. А. Полк Антония Грановского в походе 1654 г.: о положении военных специалистов инженерного и артиллерийского дела в русском войске // Иноземцы в России в XV–XVII веках : сб. материалов конф. 2002–2004 гг. М. : Древлехранилище, 2006. С. 316–335.

Моисеев М. В. Представители политических элит покоренных татарских ханств в России второй половины XVI в.: Хосров-бек // Исторические биографии в контексте региональных и имперских границ Северной Европы. СПб. : Изд-во НИУВШЭ, 2013. С. 41–46.

Моисеев М. В. Мусульманская политика Русского государства в эпоху Ивана Грозного: дискуссионные аспекты // *Questatio Rossica*. 2016. № 1. С. 37–54. DOI 10.15826/QR.2016.1.140.

Неволин К. А. О пятинах и погостах новгородских. СПб. : Изд. тип. Императ. акад. наук, 1853. 663 с.

Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы и русские горожане в XVII веке (по неопубликованным источникам РГАДА) // *Славяноведение*. 2002. № 2. С. 69–81.

Писцовые книги Новгородской земли. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. 432 с.

Постников И. Н. Дворянское землевладение в Бежецком уезде // *Бежецкий Край*. Бежецк : Гос. изд-во, Тверское отд., 1921. 98 с.

Приходная книга Новгородского дома святой Софии. 1576/77 г. М. ; СПб. : Архео-Альянс, 2011. 284 с.

Разрядная книга 1475–1605 гг. : в 3 т. М. : Наука, 1977—1984. Т. 2. Ч. 3. 1982. 914 с. РГАДА. Ф. 1209. Д. 962, 964, 16925, 16935, 16936, 16942, 16974; Ф. 210. Оп. 4. Д. 122; Ф. 96. 1616. Д. 6, 10.

Самоковасов Д. Я. Архивный материал : в 2 т. М. : Изд. Императ. Моск. ун-та, 1905–1909. Т. 1. 800 с. Т. 2. Ч. 2. 850 с.

Седов П. В. Поместные и денежные оклады как источник по истории дворянства в Смуту // *АРИ*. Вып. 3. М. : Археографич. центр, 1993. С. 227–241.

Селин А. А. Новгородское общество эпохи Смуты. СПб. : Блиц, 2008. 752 с.

Селин А. А. Комплекс документов о визите датского принца Юхана в Новгород в августе 1602 г. // *Древняя Русь : Вопр. медиевистики*. 2009. № 3. С. 101–102.

Селин А. А. Приезд принца Ганса Датского в Московское государство и Новгородский служилый город в 1602 г. // *Единорогъ : материалы по военной истории Восточной Европы*. Вып. 3. М. : Рус. витязи, 2014. С. 278–349.

Смирнов Н. В. Ливонская война и города Ливонии // *Балтийский вопрос в конце XV – XVI в. : сб. науч. ст. М. : Квадрига, 2010. С. 454–481.*

СПБНИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12, 17, 63; Кол. 115. Оп. 1. Д. 324; Кол. 183. Карт. 1. Д. 18. Центр исторических исследований [сайт]. URL: <http://sh.spb.hse.ru/chr/socialhistory> (дата обращения: 31.05.2016).

Jordebocker. Писцовые книги Ижорской земли. СПб. : В тип. Императ. акад. наук, 1859. Т. 1. Годы 1618—1623. 151 с.

RA, NOA. Ser. 1 : 4, 1 : 46, 1 : 64, 2 : 25.

References

Abramovich, G. V. (1982). *Dvoryanskoe voysko v tsarstvovanie Ivana IV* [Noblemen Army during the Reign of Ivan the Terrible]. In *Rossiya na putyakh tsentralizatsii* (pp. 186–294). Moscow, Nauka.

Akty Moskovskogo gosudarstva [Acts of Muscovite State]. (1890). Vol. 1. 766 p. Moscow, Izd. tipografii Imperatorskoy akademii nauk.

Arakcheev, V. A. (1993). *Utrachennyukaz 1582 g. ob ispomeshchenii "detey boyarskikh nemetskikh gorodov" i ego realizatsiya* [The Lost Order of 1582 on Giving Estates to the Boyar Sons from "Nemetskie Goroda" and Its Implementation]. In *Feodal'naya Rossiya. Novye issledovaniya* (pp. 38–42). St. Petersburg, Tret'ya Rossiya.

Arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN [Archives of Saint Petersburg Institute for Russian History, RAS]. Collection 2. List 1. Dossier 12, 17, 63; Collection 115. List 1. Dossier 324; Collection 183. Folder 1. Dossier 18.

Belyakov, A. V. (2005). *Uchastie sibirskogo tsarevicha Altanaya ibn Kuchuma v sobytiyakh Smutnogo vremeni i ego sud'ba* [The Participation of Siberian Prince Altanay ibn Kutchum in the Time of Troubles Events and His Fate]. In *Mininskie chteniya : materialy nauchnoy konferentsii. Nizhegorodsky gosudarstvennyy universitet imeni N. I. Lobachevskogo (29–30 oktyabrya 2004 g.)* (pp. 21–35). Nizhny Novgorod, Izd-vo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta.

Belyakov, A. V. (2011). *Chingisidy v Rossii XV–XVII vekov : Prosopograficheskoe issledovanie* [Chingisides in 16th–17th Century Russia. A Prosopographical Study]. 512 p. Ryazan, Ryazan'. Mir.

Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannyya i izdannyya arkheograficheskoyu kommissiyu [Addenda to Historical Acta Collected and Published by the Archaeographic Commission]. (1846). Vol. 1. 400 p. St. Petersburg, Izd. tipografii Imp. Kantselyarii.

- Jordebocker. (1859). *Pistsovye knigi Izhorskoy zemli* [Record Books of Ingria]. Vol. 1. Gody 1618–1623. 151 p. St. Petersburg, V tipografii Imperatorskoy akademii nauk.
- Kozlyakov, V. N. (1999). *Sluzhilyy "gorod" Moskovskogo gosudarstva XVII veka (ot Smuty do Sobornogo ulozheniya)* [Service "Town" of the 17th Century Muscovite State (From the Time of Troubles to the Sobor Legislation)]. (Dissertation abstract). 50 p. St. Petersburg.
- Krotov, M. G. (1982). Desyatni XVI – nachala XVII v. kak istorichesky istochnik [16th – Early 17th century Service Lists as a Historical Source]. In *Istochnikovedenie i istoriografiya istorii SSSR : Dooktyabr'sky period* (pp. 56–72). Moscow, Izd-vo Instituta istorii SSSR AN. URL: http://www.krotov.org/yakov/desyatni/ind_des.html (mode of access: 27.04.2016).
- Kukovenko, V. K. (2004) *Ivan Groznyy i oprichnina* [Ivan the Terrible and Oprichnina]. In *Ioann Groznyy : antologiya* (pp. 476–498). Moscow, EKSMO.
- Kurbatov, O. A. (2006). *Polk Antoniya Granovskogo v pokhode 1654 g.: o polozhenii voennykh spetsialistov inzhenernogo i artillerijskogo dela v russkom voyske* [Antony Granovsky's Regiment in the 1654 Company: Towards the Issue of Military Experts in Engineering and Artillery Position in Russian Army]. In *Inozemtsy v Rossii v XV–XVII vekakh : sbornik materialov konferentsy 2002–2004 gg.* (pp. 316–335). Moscow, Drevlekhranilishche.
- Moiseev, M. V. (2013). *Predstaviteli politicheskikh elit pokorenykh tatarskikh khanstv v Rossii vtoroy poloviny XVI v.: Khosrov-bek* [Representatives of Political Elites of Tarta Khanates in Russia in the 2nd half of the 16th Century: Hosrov-Bek]. In *Istoricheskie biografii v kontekste regional'nykh i imperskikh granits Severnoy Evropy* (pp. 41–46). St. Petersburg, Izd-vo NIUVShE.
- Moiseev, M. V. (2016). *Musul'manskaya politika Russkogo gosudarstva v epokhu Ivana Groznogo: diskussionnye aspekty* [The Muslim Policy of the Russian State under Ivan the Terrible: Controversial Aspects]. In *Questatio Rossica, 1*, pp. 37–54. DOI 10.15826/QR.2016.1.140.
- Nevolin, K. A. (1853). *O pyatinakh i pogostakh novgorodskikh* [Towards the Issue of Novgorod Pyatina and Pogost]. 663 p. St. Petersburg, Izd. tipografii Imperatorskoy akademii nauk.
- Orlenko, S. P. (2002). *Vykhodtsy iz Zapadnoy Evropy i russkie gorozhane v XVII veke (po neopublikovannym istochnikam RGADA)* [Resettlers from Western Europe and Russian Townsmen in 17th Century (On the Unpublished Sources from RGADA)]. In *Slavyanovedenie, 2*, pp. 69–81.
- Pistsovye knigi Novgorodskoy zemli* [Record Books of Novgorod Land]. (1999). Vol. 1. 432 p. St. Petersburg, Dmitry Bulanin.
- Postnikov, I. N. (1921). *Dvoryanskoe zemlevladienie v Bezhetskom uезде* [Noblemen Landownership in Bezhetsk District]. In Bezhetsky Krai (pp. 36–55). Bezhetsk, Gos. izd-vo, Tverskoe otdelenie.
- Prikladnaya kniga Novgorodskogo doma svyatoi Sofii. 1576/77 g.* [The Receipt Book of Novgorod St. Sophia Estate]. (2011). 284 p. Moscow, St. Petersburg, Arkheo-Al'yans.
- Razryadnaya kniga 1475–1605 gg. : v 3 t.* [Razryad Book of 1475–1605] (1982). Vol. 2. Part 3. 914 p. Moscow, Nauka.
- Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet från Novgorod.* Ser. 1 : 4, 1 : 46, 1 : 64, 2 : 25.
- RGADA – Rossiysky gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 1209 (*Pomestnyy Prikaz*). Dossier 962, 964, 16925, 16935, 16936, 16942, 16974; Stock 210. List 4. Dossier 122; Stock 96. 1616. Dossier 6, 10.
- Samokvasov, D. Ya. (1905). *Arkhivnyy material : v 2 t.* [Archival Data]. Vol. 1. Novootkrytye dokumenty pomestno-votchinnyykh uchrezhdeniy Moskovskogo tsarstva. 800 p. Moscow, Izd. Imp. Moskovskogo universiteta.
- Samokvasov, D. Ya. (1909). *Arkhivnyy material : v 2 t.* [Archival Data]. Vol. 2. Novootkrytye dokumenty pomestno-votchinnyykh uchrezhdeniy Moskovskogo tsarstva. Part 2. 850 p. Moscow, Izd. Imp. Moskovskogo universiteta.
- Sedov, P. V. (1993). *Pomestnye i denezhnye oklady kak istochnik po istorii dvoryanstva v Smutu* [Land and Money Ranks as a Source for Noblemen History during the Time of Troubles]. In *Arkhiv russkoy istorii, Iss. 3*, pp. 227–241. Moscow, Arkheografichesky tsentr.
- Selin, A. A. (2008). *Novgorodskoe obshchestvo epokhi Smuty* [Novgorod Society during the Time of Troubles]. 752 p. St. Petersburg, Blits.
- Selin, A. A. (2009). *Kompleks dokumentov o vizite datskogo printsa Yuhana v Novgorod v avguste 1602 g.* [Data Complex Concerning Prince Johan's visit to Novgorod in August, 1602]. In *Drevnyaya Rus' : Voprosy medievistiki, 3*, pp. 101–102.

Selin, A. A. (2014). *Priезд printsa Gansa Datskogo v Moskovskoe gosudarstvo i Novgorodskiy sluzhilyy gorod v 1602 g.* [The Arrival of Prince Hans of Denmark to Muscovy and Novgorod Servicemen Corporation in 1602]. In *Edinorog : Materialy po voennoy istorii Vostochnoy Evropy*, Iss. 3, pp. 278–349. Moscow, Russkie vityazi.

Smirnov, N. V. (2010). *Livonskaya voyna i goroda Livonii* [Livonian War and Towns of Livonia]. In *Baltiyskiy vopros v kontse XV – XVI v. : sbornik nauchnykh statey* (pp. 454–481). Moscow, Kvadriga.

Tsentr istoricheskikh issledovaniy [Center of Historical Researches]. URL: <http://sh.spb.hse.ru/chr/socialhistory> (mode of access: 31.05.2016).

Vinogradov, A. V. (2010). Russko-krymskie otnosheniya v 1570–1590-kh gg. v kontekste dinasticheskogo krizisa Gireev [Russian-Crimean Relations in the 1570s–1590s in the Context of Girej Dynastic Crisis]. In *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva*, Iss. 2, pp. 274–299. Kazan, Ikhlas.

Vorob'ev, V. M. (2003). Lzhedmitry I i sud'by sluzhby “po otechestvu” pomestnoy sistemy [False Dimitry and I Changes in the Land Estate Service System]. In *Proshloe Novgoroda i Novgorodskoy zemli : materialy nauchnoy konferentsii 18–20 noyabrya 2003 goda* (pp. 47–49). Veliky Novgorod, NovGU im.Yaroslava Mudrogo.

The article was submitted on 28.03.2016